

УДК 331.56

«Моральная экономика выживания» в селах Амурской области: влияние трансграничной экономической миграции¹

Н. П. Рыжова, А. В. Ступникова

*Амурская лаборатория экономики и социологии Института экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Благовещенск
Амурский государственный университет, г. Благовещенск*

Рассматривается феномен сельской «моральной экономики выживания», складывающийся в российских регионах, не имеющих крупных рынков сбыта сельхозпродукции. Феномен исследован на примере личных подсобных хозяйств, расположенных в Амурской области. При этом рассмотрено влияние трансграничной экономической миграции на «моральную экономику выживания».

Ключевые слова: экономика выживания, крестьянское семейное хозяйство, сельский рынок труда, неформальная экономика, трансграничная экономическая миграция, Амурская область.

С началом экономических реформ 1990-х гг. были во много раз сокращены вложения в «черную дыру агропрома»². Неблагоприятный ценовой диспаритет, разрушенная система хозяйственных связей и другие проблемы не позволяли предприятиям, создаваемым на базе бывших колхозов и совхозов, выбраться из убыточного состояния. Надежды на инициативное и независимое масштабное фермерство не оправдались: к началу 2000-х гг. лишь около 2 % аграрного производства приходилось на хозяйства этой категории. В результате жители села остались предоставленными сами себе: они лишены привычной в период позднего социализма экономической поддержки, мест приложения труда и, следовательно, источников дохода. Резко изменились предлагаемые им общественные блага (были свернуты предлагаемые услуги образования, здравоохранения, социально-культурного обслужива-

¹ Работа выполнена при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-32-01065 «Вне закона: повседневные практики природопользования на Дальнем Востоке», а также при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по теме «Переселенческое общество Азиатской России: этномиграционные процессы в формировании локальных пространств и сообществ. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков» в научно-образовательном центре Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ.

² В 1989–1991 гг. среднегодовой уровень поддержки сельского хозяйства в стране составлял 89 млрд долларов; суммарные расходы консолидированных бюджетов РФ за период 2000–2009 гг. на сельское хозяйство и рыболовство были менее 50 млрд долларов [9].

ния). Несмотря на это, мгновенного, катастрофического коллапса села не произошло, более того, количество людей, сменивших место своего жительства на город, оказалось значительно меньше ожидаемого. Конечно, произошла значительная маргинализация сельского населения, но часть жителей адаптировалась: стала вести традиционное «крестьянское», или «семейное», хозяйство (в терминах А. Чаянова [21]).

С экономической точки зрения главная особенность этого типа хозяйства состоит в особой целевой установке. В отличие от фермерского или другого рыночно-ориентированного бизнеса, где преобладает стимул максимизации прибыли/стоимости, целью «семейного хозяйства» является удовлетворение семейных потребностей путем полного использования трудового потенциала. При этом, если для удовлетворения потребностей необходимо пожертвовать эффективностью, «семейное хозяйство» выбирает первое. Теория «семейного хозяйства» близка концепции «экономики выживания», которая была определена и рассмотрена в работах Дж. Скотта [23]. Особенность этой модели рыночного поведения Скотт видел в ориентации традиционного сельского уклада на безопасное существование, на достижение «главного блага» – предотвращение голода. Эта мотивация определяет, по мнению Скотта, особенности технической, социальной и культурной организации сельских сообществ; предпринимательский талант, необходимость политической самоорганизации и другие движущие силы современного общества отходят на второй план: задача крестьянина состоит в том, чтобы избежать риска в случае потери урожая. Объясняя эту особую мотивацию сельских сообществ, Скотт обращался к наблюдениям Чаянова над «странным» с точки зрения капиталистического уклада экономическим поведением крестьян. К подобным «странностям» можно отнести, например, нежелание крестьян применять рентабельные молотилки, стремление разводить трудоемкие культуры типа картофеля и льна, развитие отхожих промыслов, отрицательно влияющее на земледелие, перевернутый уровень зарплаты в народном хозяйстве в годы неурожая. При этом при благоприятной рыночной конъюнктуре происходит не увеличение объема хозяйственной работы, а сокращение годового рабочего времени, улучшение условий труда и быта [10].

Феномен «семейного хозяйства» и связанной с ним концепции «сельской экономики выживания» в контексте социально-экономических трансформаций, модернизации и изменения традиционных хозяйственных укладов исследован в трудах современных отечественных ученых [6; 19; 21]. И хотя исследователи не раз обращали внимание на высокую степень адаптивности сельских обществ к давлению рынка и государства, в российской специфике сельского общества не менее заметна и другая тенденция.

С усилением давления рыночных сил деревня движется, по точному выражению известного исследователя российского села А. Никулина, «вспять и вглубь – в состояние натуральной экономики спорадической природной деятельности» [10, с. 93]. «Глубина падения» зависит от географических характеристик региона: чем дальше он от крупных рынков сбыта и наиболее благоприятных экономических условий, тем вероятнее там развивается лишь

натуральное семейное хозяйство. Такая модель была описана в работах классического экономгеографа фон Тюнена и была характерна для развитых западных стран до начала XX в.: «В России изначально имеют порой решающее рыночное преимущество лишь тот фермер и то предприятие, которые хозяйствуют поближе к Москве, или хотя бы к областному центру, или на землях южного Черноземья – лучше всего на Кубани» [10, с. 93].

В данной статье мы рассматриваем, насколько справедливы эти выводы для Амурской области, традиционно аграрного региона «зоны рискованного земледелия», расположенного вдали от крупных рынков сбыта¹. Мы ищем ответы на следующие вопросы: характерен ли для Амурской области феномен «экономики выживания»? Происходит ли натурализация используемых семейными хозяйствами угодий? И главный вопрос, отличающий данное исследование от всех других исследований подобного рода: как влияют на «экономiku выживания» особенности географического – на границе с Китаем – положения и интенсивность трансграничной экономической миграции?

Источники данных

Источниками информации выступило 31 экспертное полуструктурированное интервью продолжительностью от 40 до 120 мин., полученное в Амурской области в декабре 2011 г. Информанты – представители крестьянско-фермерских хозяйств и личных подсобных хозяйств Амурской области, в том числе 2 фермера – граждане КНР и 2 фермера, имеющие опыт совместной с гражданами КНР деятельности. Также в качестве информантов выступили посредники (люди, занимающиеся доставкой и распределением овощей и фруктов) и представители торговых сетей. Качественные данные дополнены данными официальной, в том числе таможенной, статистики по Амурской области.

Где занято сельское население Амурской области?

Рыночные трансформации увеличили удельный вес сельского населения области: в 1990 г этот показатель составлял 31,6 %, в 2000 г – 32,8 %, в 2010 г. – 34,8 %. В России в целом он составлял 26,4 %, 27 % и 26,9 % соответственно, на Дальнем Востоке – 23,9 %, 24,4 %, 25,7 % соответственно. Несмотря на рост удельного веса сельского населения в Амурской области, его количество в абсолютных показателях уже в 1995 г начало сокращаться.

Амурская область занимала в 2010 г. 1-е место в Дальневосточном федеральном округе по площади сельскохозяйственных угодий (34,1 %), 4-е (13,2 %) – по численности населения (в том числе 3-е по численности сельского населения (17,4 %)) [16]. Вклад сельского хозяйства в ВРП региона в 2010 г. составлял 6,4 % (среднероссийский уровень 4,2 %). Эти цифры свидетельствуют об относительно высоком значении сельского хозяйства для экономики региона, а также о том, что, несмотря на социально-экономические

¹ Все население Амурской области составляет 829 тыс. человек, площадь территории – 363,7 кв. км. Население административного центра – г. Благовещенска – составляло на начало 2011 г. 219,9 тыс. человек. Расстояние от ее административного центра до Москвы по железной дороге – 7982 км, регион не имеет прямого выхода к морю.

потрясения, в селах продолжает проживать значительная часть населения области. По официальным данным на 2010 г., из 290,6 тыс. человек экономически активного населения области 154,8 тыс. человек (34,8 %) приходится на село. За 1992–2010 гг. численность экономически активного сельского населения сократилась на 19 тыс. человек, или на 10,9 %, что меньше сокращения экономически активного городского населения (23,9 %). В результате уровень экономической активности у сельских жителей почти равен аналогичному показателю у городских (64,2 % и 65,7 % соответственно).

Несмотря на высокую экономическую активность, в селах значительно меньше возможностей для приложения труда. Об этом свидетельствуют показатели безработицы и показатели напряженности на рынке труда, а также показатели количества зарегистрированных предприятий разных видов деятельности.

Аграрные районы сконцентрированы преимущественно в южной части области, где значительно выше напряженность на рынке труда. Разрыв между самым высоким уровнем безработицы (5,8 % в Константиновском районе) и самым низким (0,7 % в городе Тында на севере региона) составил 5,1 процентных пункта [17]. Коэффициенты напряженности (численность незанятых граждан на одну заявленную вакансию) в большинстве муниципальных районов превышает значение 10, при этом самый высокий – в Ромненском районе (140), а самый низкий – в северном Селемджинском районе (0,3), где развиты добычающие виды экономической деятельности. Большинство зарегистрированных безработных, проживающих в сельской местности, относятся к возрастной категории 30–54 года (64,5 %), далее идут безработные в возрасте 20–24 года (12,4 %), а безработные предпенсионного возраста составляют 6,8 % [18].

В городских округах и муниципальных образованиях Амурской области функционируют центры занятости населения. Среди прочего они предлагают направление на общественные работы (в большей степени распространено в северных районах), на профессиональное обучение (75 % направленных на обучение проживают в городских округах), помощь в организации предпринимательской деятельности (в 2011 г. такая помощь была оказана менее 1 % безработных) [8]. Хотя для сельских жителей пособие по безработице могло бы иметь большее значение в структуре доходов их домашних хозяйств, они реже обращаются для постановки на учет, тем более для получения перечисленных государственных услуг. Отказ от получения услуг вызван необходимостью выезда на место общественных работ или учебы и оставления семьи, где остальные члены также могут быть безработными. Бесперспективно и получение новой квалификации, если рынок труда в месте проживания для нее отсутствует.

Где же были заняты амурские жители села, сколько из них было занято в сельском хозяйстве? И сколько жителей Амурской области занято в сельском хозяйстве? Из-за особенностей статистического наблюдения ответы на оба вопроса могут быть даны только в вероятностных оценках. Итак, по данным Амурстата, численность сельского населения, занятого в экономике области, в 2010 г. составила 142 тыс. человек, из них в сельском хозяйстве было заня-

то 55 тыс. человек. В том числе было трудоустроено на крупных и средних предприятиях сельского, лесного и рыбного хозяйств 13,3 тыс. человек (или 9,4 %). Среднесписочная численность работников предприятий и организаций, занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве, была наименьшей в 2011 г за период с 1991 г. На протяжении всего периода, за исключением 1993 и 2005 гг., происходило снижение среднесписочной численности работников предприятий и организаций, занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве. В общем же за 1991–2011 гг. данный показатель сократился более чем в 3,5 раза [1; 2; 4].

Согласно статистике, в 2010 г. зарегистрированных фермеров было 788 (в 2,4 раза меньше по сравнению с 2004 г.).

Часть сельского населения была занята на предприятиях, размещенных в соответствующих муниципальных районах области. В 2010 г. в муниципальных районах Амурской области было зарегистрировано 3942 предприятия и организации, что составляет 26,7 % всех предприятий и организаций, зарегистрированных на территории региона. Помимо сельского, лесного и рыбного хозяйства (13,7 %), видами деятельности этих предприятий были оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (427 единиц, или 10,8 %). Часть сельского населения была занята в образовании, здравоохранении, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, добыче полезных ископаемых и др. [5].

Наконец, часть сельского населения была занята в работе вахтовым методом на предприятиях, преимущественно специализирующихся в добыче полезных ископаемых, вне мест постоянного проживания. Из-за специфики статистического наблюдения этот вид занятости не может быть адекватно отражен в публикуемых данных. Впрочем, это не единственная причина, по которой нельзя с уверенностью говорить о количественных показателях занятости сельских жителей Амурской области и занятости жителей Амурской области в сельском хозяйстве.

Во-первых, среди официально учтенных занятых в сельском хозяйстве некоторую долю занимают городские жители, работающие, например, на городской птицефабрике или в тепличном хозяйстве. С другой стороны, часть горожан занята на личных подсобных хозяйствах, производя сельхозпродукцию (прежде всего овощи) для продажи на городских рынках. Эти подсобные хозяйства могут быть расположены в городской черте или на садовом участке, и занятые в них могут быть люди старше трудоспособного возраста, не общающиеся о своих занятиях во время проведения переписи населения.

Во-вторых, значительная часть сельских жителей, будучи занятой на предприятиях, расположенных в пункте их проживания или в близлежащем населенном пункте, также имеет личные подсобные хозяйства. Следовательно, эти люди одновременно заняты на предприятиях и в личных подсобных хозяйствах. И для некоторых из них продажа продукции со своих хозяйств составляет даже более значимую часть семейного бюджета, нежели заработ-

ная плата. Даже те, кто занят в работе вахтовым методом, могут часть своего времени тратить на труд в личном подсобном хозяйстве.

В-третьих, среди официально учтенных крестьянских (фермерских) хозяйств 15,1 % было зарегистрировано в городских округах. Некоторая часть КФХ по разным причинам прекратила свою деятельность, но официально хозяйство не ликвидировала. По экспертным оценкам, полученным в рамках проведенного в декабре 2011 г. социологического исследования, количество действующих КФХ не превышает 500 единиц. С другой стороны, в Амурской области, так же, как и в ряде других областей, работают и китайские фермеры¹, однако некоторая часть этих организаций зарегистрирована на подставных лиц². В связи с этим оценить количество фермеров-жителей сельской местности весьма проблематично. Сложность представляет оценка количества занятых в крестьянско-фермерских хозяйствах людей, так как часть занятых трудится постоянно, а часть привлекается только на сезонные работы (например, на сбор урожая) без официального оформления трудовой деятельности.

Служба государственной статистики отражает ненаблюдаемые процессы в сфере занятости в сельском хозяйстве, но делает это лишь частично (она не учитывает занятость в подсобных хозяйствах сельских жителей, имеющих постоянное место работы, а также городских жителей, не учитывает неформальный наем сезонных рабочих, не изучает процессы неформального предпринимательства, связанного с китайскими фермерами). Даже с учетом этих скрытых процессов сельское хозяйство занимает первое место в структуре официальных оценок неформальной занятости. В 2010 г. сельские занятые в неформальном секторе экономики были распределены следующим образом: в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве было занято 75 %, в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования – 14 %, в обрабатывающих производствах – 6 %, в сфере транспорта и связи – 3 %, в строительстве – 2 % [18].

¹ «В 2009 г. г. Хэйхэ провинции Хэйлуцзян (Северо-Восточный Китай), граничащий с РФ, реализовал 36 проектов в области развития сельского хозяйства в России, сообщило народное правительство г. Хэйхэ. В пред. г. в реализации данных проектов приняли участие 27 предприятий г. Хэйхэ, было освоено 800 тыс. му (1 га = 15 му) земли. На 782 тыс. му выращивали соевые бобы, пшеницу, кукурузу и другие зерновые культуры, на 18 тыс. му – овощи» [7].

² Формально иностранный гражданин, в том числе китайский, может быстро зарегистрировать фирму, но на практике начать ведение бизнеса ему будет сложно. На каждом этапе создания свиноводческой фермы он будет сталкиваться с формальными и неформальными барьерами: получение земли, подключение к электросетям, получение карантинных справок и т. п. Ситуация значительно упростится, если он найдет российского партнера, на которого будет оформлен бизнес. «Один имеет право распоряжаться землей... допустим... столько-то долей... перейдет в сельские администрации, раньше этим область руководила, или район. Кто-то имеет право дать в аренду землю. Второй человек, который просто хотел бы заработать, заработать, даже не организовывая. Вот есть у вас земля, я к вам прихожу и говорю, дайте, пожалуйста, 200 га земли. Зачем? Я привезу китайских рабочих, и они будут заниматься сельхозпроизводством. Вот он завозит... но не он хозяин там. Он ставит китайского бизнесмена там... предпринимателя... Все! Он не участвует в процессе, он не хозяин, он не производит и не реализовывает, понимаете? Все он, просто получает, как молодежь говорит, тупо получает деньги, от этого, больше ничего» (Интервью, фермер, декабрь 2011).

Таким образом, как минимум 25,9 тыс. человек (8,9 % экономически активного населения) были заняты в ненаблюдаемом сельском хозяйстве. Не поддающееся подсчету количество сельских жителей Амурской области было занято сельским хозяйством, занимаясь параллельно другими видами деятельности или имея статус безработного. Некоторое количество горожан (среди них и лица старше трудоспособного возраста, отнесенные статистикой, вероятно, к экономически неактивному населению) было занято в «городском» сельском хозяйстве. В целом выделенные особенности сельского труда и занятости косвенно свидетельствуют о том, что феномен «семейного хозяйства» актуален для Амурской области, а также о том, что шок реформенного и постреформенного периода негативно сказался на состоянии сельского хозяйства региона. Одним из проявлений шока постреформенного периода стала натурализация сельского хозяйства, ведение его в наименее эффективных формах личного подсобного хозяйства, где преобладает ручной труд.

Сельская экономика по-чаяновски?

Общее количество личных подсобных хозяйств в Амурской области составляет 88076 единиц (или 0,57 единицы на каждого жителя села). Согласно официальным данным регионального органа статистики, в них было произведено 52,5 % всего регионального выпуска сельхозпродукции 2010 г.; в 1991 г. хозяйства населения произвели 26 % регионального выпуска, а самый большой показатель был достигнут в 2000 г. – 73,8 % [3; 13; 14; 15; 16].

В целом по России регионы, где хозяйства населения производили меньшую в сравнении с аналогичным среднероссийским показателем долю сельхозпродукции, за небольшим исключением можно разделить на три типа: (а) регионы, расположенные ближе к масштабным рынкам сбыта (Московская, Орловская, Владимирская, Новосибирская, Кемеровская области, республика Татарстан и др.); (б) регионы, обладающие высокоплодородными почвами (Ставропольский, Краснодарский, Алтайский края, Вологодская, Ростовская, Белгородская и др.); (с) регионы, расположенные в наименее благоприятных для земледелия климатических зонах (Магаданская, Мурманская, Архангельская области, Чукотский АО).

Амурская область имела большую, чем в среднем по России, долю сельхозпродукции, произведенной в хозяйствах населения, хотя к концу 2000-х гг. она несколько приблизилась к среднему по стране показателю (по данным Росстата, средний показатель по стране составлял 48,4 %), до этого различия были более заметными. Например, в 2005 г. в среднем по России хозяйства населения произвели 44,6 % сельхозпродукции, а в Амурской области – 56,9 %. Таким образом, модель фон Тюнена, видимо, имеет смысл при объяснении размещения сельскохозяйственного производства современной России, а случай периферийной и обладающей «неидеальными» аграрными условиями Амурской области лишь подтверждает этот вывод. Чем дальше от рынков сбыта, тем ближе к натуральному крестьянскому хозяйству. Кстати, и сама Амурская область также демонстрирует правильность этой модели: большая часть фермерских хозяйств размещена вблизи областного центра. К сожалению, отсутствуют количественные данные о размещении личных подсобных

хозяйств, реализующих продукцию на городских рынках области, но данные социологического исследования указывают на правильность и этой гипотезы. Еще раз подчеркнем, что данная модель перестала адекватно работать в условиях развитых стран, где развитая инфраструктура, а также кооперация решают проблему доступности рынков.

Основная специализация хозяйств населения Амурской области, согласно данным официальной статистики: производство картофеля (88,7 % произведенного всеми хозяйствами региона в 2010 г.), овощей закрытого грунта (84,6 % от аналогичного показателя), овощей открытого грунта (86,9 %), свинины (80,5 %), мяса КРС (79,4 %), меда (96 %), молока (75,3 %), яиц (38 %) [20].

Так же, как данные о статистическом наблюдении за рынком труда, эти цифры могут выступать как некие оценочные индикаторы, но не могут рассматриваться в качестве точных измерителей. Неточности статистического наблюдения определяются сложностями учета производства (базы для производства):

– в личных подсобных хозяйствах: *«А на самом деле нет столько. [Откуда они тогда цифру берут?] Вот, цифру просто... [Придумали? Я думала, что была перепись нормальная...] Нет, не было. Вот я сейчас ... всю деревню почти что обслуживаю... коров пасут через меня и молоко собирается через меня. И вот бывает, что субсидию в 2000–2500 руб. получают даже те, у кого коров нет. Или есть такие мудрецы, у кого деньги есть, 5, 6, 7 коров покупают, летом доят, а в зиму уже продают. Все, у него ничего нет, а это закон для тех, кто держит целый год ... А он подоил летний период, летом корова больше молока дает, чем зимой, а зимой надо кормить... А он продал или на мясо сдал. [И весной купил?] И весной обратно... они занимаются обычно таким делом, по деревням ездят... где мясо покупают, видят, что нормальная корова, привез, оставил на лето, а субсидии им дают. Вот и перепись откуда? Вот оттуда... Получается, в конце года этого поголовья нет, оно все ушло»* (интервью, фермер, декабрь 2011 г.).

– в хозяйствах других категорий: *«У нас программа развития АПК нацелена на развитие, и поэтому, если ты покажешь снижение площадей, ты пролетаешь мимо всей господдержки. Вроде как люди разумные и понимаем, зачем я буду показывать снижение... Если я покажу хотя бы такую же площадь, но она реально ниже, чем у меня на поле посажено... Какое-то время назад я очень сильно развил площадь под картошку... Но, поработав несколько лет, я понял, что это мне не надо. Это получают дополнительные проблемы, а прибыль от этого не росла. Попался хороший покупатель с Хабаровского края, который приобрел часть мощностей... И я сразу сократил реальную площадь в три раза. Но, чтобы не пролетать мимо субсидий, фактически стараюсь статистику не портить»* (интервью, фермер, декабрь 2011 г.).

Таким образом, приведенные данные, с одной стороны, свидетельствуют о вкладе личных подсобных хозяйств в сельхозпроизводство Амурской области, с другой – о различных проявлениях неформальной и ненаблюдаемой сельской экономики. Можно ли сделать вывод о том, что личные подсобные

хозяйства этого провинциального региона схожи с хозяйствами «экономики выживания» Чайнова или Старка? Если говорить об обследованных нами хозяйствах, то ответ должен быть скорее положительным. Сельская «моральная экономика» руководствуется не столько принципами экономической эффективности [21], сколько соображениями материального и социального благосостояния семьи в целом, ее отдельных членов. При этом реализация экономических целей подчинена реализации социальных устремлений.

Бюджеты времени при этом распределяются так, что семья может трудиться до изнеможения, но при наступлении благоприятной конъюнктуры отказаться от работы в пользу социальных выгод: *«Мы, моя семья, работаем практически без выходных. Я 5 дней в неделю работаю, а 6-й, 7-й день я на рынке. ... По сравнению с моей зарплатой (дополнительно респондент работает бухгалтером на предприятии. – прим. авт.) это такая же часть дохода... Знаете, хочется поработать и получить доход, чтобы я могла не только покрыть расходы на коров. А свои домашние какие-то потребности... у нас нет праздников, чтоб мы чей-то день рождения спокойно отметили. Мы несвободные люди, мы как заключенные. Это натуральная кабала...»* (интервью, ЛПХ, декабрь 2011 г.).

«Семейное хозяйство» не ориентировано на расширенное производство и лишь в исключительных случаях готово обратиться к заемному капиталу: *«[Воспользовались бы еще кредитом? Или у вас нет необходимости?] (пауза) Как-то мне кажется, мы уже старые это все развивать (смеется). Или уставшие, или что ли. Если бы я только этим занималась, то, может быть, я бы и взяла, а пока не нуждаюсь в этом. Но это тоже кредит, лучше уже не быть должным, когда уж совсем немогут. Если бы были, например, нам нужны (деньги. – прим. авторов), начали бы мы заниматься растениеводством каким-нибудь, нужен был бы трактор, тогда да, я бы обратилась туда»* (интервью, ЛПХ, декабрь 2011 г.).

Семья решает, как распределить труд членов семьи и какой им выбрать тип семейной занятости (в том числе и трудиться ли на локальном рынке труда): *«Но мне очень тяжело, я работаю бухгалтером. Но работы столько, вот этой (в ЛПХ. – прим. авторов). Переключаешься, и это тяжело. Я думаю: брошу работу останусь только на ВДНХ, потом приеду: рынок, например, плохой... плохо, например, продается все. Не-е, не брошу, мои 13 тысяч, буду терпеть, потому что я не одна, потому что семья, ну что делать?»* (интервью, ЛПХ, декабрь 2011 г.).

Семья же определяет, как перераспределять полученные доходы (в некоторых случаях возможно перераспределение даже в пользу других семей): *«Вот, допустим, кафе N (название. – прим. авт.). Это моя родственница... Я могу ей сдавать свинину, но те люди, которые в деревнях вокруг живут, они в очереди стоят сдать ей свинину. Она дорого покупает... и я не могу, если я залезу туда, они потеряют эти копейки. Они надеждой живут, у них расписано в месяц по 3–4 человека»* (интервью, ЛПХ, декабрь 2011 г.).

Таким образом, особенности «семейного хозяйства», выделенные Чайновым и характерные для российских крестьянских хозяйств начала XX в.,

проявляются и в хозяйствах начала XXI в. Возможным отличием – но эта гипотеза требует дальнейшего исследования – является стремление «слукавить», обмануть государство¹. И особенностью является даже не то, что доход от этого «лукавства» для некоторых семей составляет значимую часть бюджета, а то, что таким образом проявляется скрытое неподчинение и даже сопротивление давлению государства. Истоки данного явления, вероятно, следует искать в советском периоде экономики перераспределения и «подворовывания» из колхозов и совхозов, когда началась моральная деградация села [10]. Дж. Скотт, исследовавший склонность к протесту и неповиновению в зависимости от рыночного или семейно-общинного уклада на селе, отмечал, что скрытое неповиновение («я подчиняюсь, но не повинуюсь» [24]) в большей степени характерно для второго типа хозяйственного уклада. В этом смысле повседневный, вошедший в привычку обман государства современными крестьянами может интерпретироваться как «потаенные послания» [22] или «оружие слабых» [24]. С концепцией Скотта рассматриваемый в нашем исследовании феномен объединяет то, что властным структурам также известно о «лукавстве» и, принимая его, они в слабой форме его одобряют.

Конкурируют ли «нерыночные» семейные хозяйства и рыночные трансграничные бизнесы?

Несмотря на описанные проблемы занятости, в сельское хозяйство региона активно привлекалась иностранная рабочая сила. Общее количество иностранных рабочих, официально учтенных в качестве занятых в сельском и лесном хозяйствах, охоте и рыбном хозяйстве, в 2010 г. составляло 7,3 тыс. чел., или 12,7 % от среднесписочной численности занятых (57,6 тыс. чел.). Большая их часть – это трудовые мигранты из Китая.

Помимо официально ввезенных трудовых мигрантов, в работу в сельском хозяйстве неофициально вовлекались лица, въехавшие в Россию по коммерческим визам. Кроме того, на сельхозугодиях региона работали китайские фермеры – по большей части неофициально. Следовательно, трансграничная миграция могла оказывать и, как показало наше исследование, оказывала влияние на сельское хозяйство, а также на сельский рынок труда Амурской области.

Экономическая теория предсказывает, что конкуренция со стороны иностранных инвесторов (в нашем случае китайских фермеров) способна влиять на оптимизацию использования ресурсов, на повышение производительности труда и даже на улучшение качества определенных институтов (например, способствовать движению к легализации неформальных правил). Однако такие эффекты проявляются именно благодаря конкуренции между рыночно-ориентированными фирмами: «семейные хозяйства», как мы выяснили выше, имеют иные мотивы экономического действия, поэтому лишь в небольшой

¹ Такое «лукавство» проявляется не только в сообщении заведомо ложных статистических сведений, но и, например, в оформлении развода для получения государственной помощи на содержание детей, оформлении инвалидности при отсутствии явных на то оснований и т. п. Оформление развода при этом подрывает основы традиционной семьи – собственно фундамента «семейного хозяйства».

степени могут рассматриваться в качестве конкурентов для китайских фермеров, которые, напротив, имеют четкую рыночную мотивацию.

В свою очередь, далеко не все (или, правильнее сказать, мало кто из) безработные села могут рассматриваться в качестве конкурентов китайским рабочим: во-первых, многие сельские безработные маргинализированы и не ищут постоянной занятости, во-вторых, у китайских и российских работников сильно различается ожидаемый уровень заработной платы, и, в-третьих, китайские рабочие привлекаются в основном китайскими же фермерами, и по разным причинам и те и другие предпочитают работать с представителями своей национальности¹.

Таким образом, если трансграничная миграция и влияла на «семейные хозяйства» Амурской области, то это влияние не могло быть прямым. Оно должно было проявляться не только в экономических, но и в социальных реакциях. Иначе говоря, трансграничная миграция могла быть стимулом для изменения повседневных практик «семейных хозяйств».

Хорошей иллюстрацией в этом смысле является производство свинины китайскими фермерами после введения в 2005 г. запрета на ввоз мяса из Китая и последовавшее затем снижение ее производства в семейных хозяйствах: *«На сегодняшний день у нас 80 % производимой свинины китайская (выращенной – прим. авт.). Даже не в Китае, а здесь, в Амурской области... Но они это делают, понятно, с русскими фермерами»* (интервью, фермер, декабрь 2011 г.); *«китайские производители, они забили своим мясом рынок... выращивается оно здесь, у них совместные предприятия, которые, естественно, оформлены на русских людей»* (интервью, эксперт с/х рынка, декабрь, 2011 г.).

Рыночная конкуренция, которую принесли с собой китайские фермеры, привела к тому, что многие личные подсобные хозяйства отказались от выращивания свиней для последующей продажи их мяса, о чем сообщили практически все опрошенные респонденты: *«Люди выращивают как? Что-то для себя, а что-то должно оправдать обязательно. Оправдать то, что было затрачено. Если этого не происходит, люди очень мало держат только для себя. Детей обуоть в школу надо? Надо. Надо подготовиться, купить что-то, это все зависело от выращенной свинины в частности. Не только там от бройлеров, от яиц, которыми они торгуют, это не столько доходно, когда тушу сдал... В данный момент, полгода или чуть больше... китайские производители забили своим мясом рынок... Содержание любительской свинины, оно всегда очень хорошее содержание, это и добавка к корму, т. е. своя пища какая-то, деревенская свинина... любая любительская свинина с подворья, она подразумевает достаточное количество сала на ней, потому что это все-таки выращивается для себя и с любовью. А сало (продавцы. – прим. авт.) не берут. И сегодня что происходит? ...Выгодно... китайских синих поросят продавать, мясо выглядит классно... И все изменилось. Селя-*

¹ Здесь подчеркнем, что такой выбор происходит по объективным причинам знания языка, рутинизированным практиками труда; такой порядок определяется системой отбора и найма персонала. Об этом подробно (на примере строительной отрасли), см. [12].

не не хотят покупать поросят и отказываются их содержать. Почему? Раз человек не может сдать, он не будет выращивать» (интервью, фермер, декабрь 2011 г.). *«И август показал: перед школой никто ни килограмма не мог продать. Сейчас все сидят, ноября ждут, чтобы как-то хоть друг другу его продать и там что-то заработать. Это неправильно. Это не должно быть. А завтра китайцев, случится какая-то ситуация, их просто выгонят отсюда. Туда, на фермы, никто не пойдет работать, они все продадут и закроют. Но мы, местное население, будем подымать три, четыре, а привить любовь к ним, чтобы они не потеряли интерес, это очень долго»* (интервью, фермер, ноябрь 2011).

Отказ от выращивания свинины, основного «товарного¹» вида «семейного хозяйства», фатален для «экономики выживания». Таким образом, наше исследование показало, что на Дальнем Востоке социальные эффекты трансграничной миграции имели место. Впрочем, сложно оценить, насколько масштабными они были.

Заключение

Теоретики «экономики выживания» подчеркивали ее чрезвычайно высокий адаптивный потенциал. Сам факт того, что, несмотря на чрезвычайно ограниченный рынок труда, на сворачивание предлагаемых на селе общественных благ (таких как здравоохранение и образование, услуги культурно-бытового характера), удельный вес сельских жителей в структуре населения Амурской области практически не изменился, указывает на то, что и амурское село обладало определенным адаптивным потенциалом. Однако бесконечное сжатие пружины невозможно. К 2011 г. на территории Амурской области 19 из 602 сельских населенных пунктов (3,2 %) остались без населения. В период 2000–2011 гг. число сельских населенных пунктов сократилось на 14, или на 2,3 %. Отток и естественная убыль населения вызвали увеличение числа мелких населенных пунктов с числом жителей 50 и менее человек. Большая часть из них – это вымирающие деревни, где преобладает население старше трудоспособного возраста и где полностью отсутствуют социальная и производственная инфраструктуры [11]. Вероятно, эти процессы объективны, и без населения остаются те пункты, экономического смысла в дальнейшем развитии которых нет. Трансграничные миграционные процессы, как и интеграция приграничных регионов в целом, объективно определяются логикой экономического развития; попытки ограничения, введения жестких барьеров совершенно неэффективны. Создание китайских ферм по производству свинины как реакция на запрет ее импорта очень показательно в этом смысле. А «рецепты помощи» селу также давно известны и хорошо описаны. Они проработаны тем же Чаиновым. Это разносторонняя кооперация.

¹ Выше приведены данные о специализации личных подсобных хозяйств (картофель, мясо, овощи, молоко). Производство и сбыт свинины среди всех этих видов деятельности были наиболее доходными и при этом наименее сложными с точки зрения содержания, а тем более сбыта (свинину скупают посредники, самостоятельно проезжая по селам, свинину продают по личным каналам – знакомым, родственникам и т. п.). Последнее особенно важно в силу того, что далеко не каждый житель села готов торговать на городском рынке.

1. Амурская область в цифрах : краткий стат. сб. / Амурстат. – Благовещенск, 2009. – 436 с.
2. Амурская область в цифрах : краткий стат. сб. / Амурстат. – Благовещенск, 2012. – 372 с.
3. Амурская область в 1995 г. : краткий стат. сб. / Амурстат. – Благовещенск, 1996. – 242 с.
4. Амурский статистический ежегодник 1999 : стат. сб. / Амуроблкомстат. – Благовещенск, 1999.
5. Амурский статистический ежегодник 2011 : стат. сб. / Амурстат. – Благовещенск, 2011. – 546 с.
6. *Виноградский В. Г.* Вне системы: крестьянское семейное хозяйство // Социологический журн. – 1998. – № 3/4. – С. 183–190.
7. Деловой Китай [Электронный ресурс]. – URL: http://polpred.com/download/user/pdf/2318_50.pdf
8. Деятельность органов службы занятости населения Амурской области в 2011 году. Экспресс-информация № 12 / Управление занятости населения Амурской области. – Благовещенск, 2012. – 12 с.
9. *Калабеков И. Г.* Российские реформы в цифрах и фактах / И. Г. Калабеков. – М. : РУСАКИ, 2010. – 498 с.
10. *Никулин А.* Куда селянину податься?! Особенности постсоветского существования российского села // Знание-сила. – 2005. – № 4. – С. 89–95.
11. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в Амурской области : записка / Амурстат. – Благовещенск, 2012. – 22 с.
12. Интеграция экономических мигрантов в регионах России: формальные и неформальные практики/ науч. ред. Н. П. Рыжова – Иркутск : Оттиск, 2009. – 264 с.
13. Сельское хозяйство Амурской области за 1995–2000 гг : Сб. / Амуроблкомстат. – Благовещенск, 2001. – 145 с.
14. Сельское хозяйство Амурской области за 1997–2002 гг: Сб. / Амуроблкомстат. – Благовещенск, 2003. – 161 с.
15. Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Амурской области за 2007 г : сб. / Амурстат. – Благовещенск, 2008. – 183 с.
16. Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Амурской области за 2010 г : сб. / Амурстат. – Благовещенск, 2011. – 214 с.
17. Социальный атлас российских регионов. [Электронный ресурс]. – URL: <http://atlas.socpol.ru/portraits/Amur.shtml#employment>
18. Труд и занятость в Амурской области, 2010 г. : стат. сб. / Амурстат. – Благовещенск, 2011 – 144 с.
19. *Фадеева О. П.* Неформальная занятость в сибирском селе // Экономическая социология. – 2001. – Т. 2. – № 2. – С. 61–93.
20. Центральная статистическая база данных Росстата [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru/>
21. *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды / А. В. Чаянов. – М. : Экономика, 1989.
22. *Scott J. C.* Domination and the art of resistance: hidden transcripts / J. C. Scott. – New Haven : Yale University Press, 1993.
23. *Scott J. C.* The moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in south-east Asia / J. C. Scott. – Yale University Press, New Haven, London, 1976.
24. *Scott J. C.* Weapons of the week: everyday forms of peasant resistance / J. C. Scott. – New Haven: Yale University Press, 1984.

“Moral Economy of the Peasant” in the Villages of the Amur Oblast: Influence of Transboundary Economic Migration

N. P. Ryzhova, A. V. Stupnikova

Amur Laboratory for Economic and Sociological Studies ERI FEB RAS, Blagoveshchensk

The article deals with the phenomenon of the “moral economy of the peasant”, formed in the Russian rural regions, remote from the agricultural markets. The case of “moral economy of the peasant” in the Amur oblast was taken as an example. Besides, the impact of trans-border economic migration on “moral economy” was examined.

Key words: moral economy of the peasant, peasant family household, rural labour market, informal economy, trans-border economic migration, Amur oblast.

Рыжова Наталья Петровна – кандидат экономических наук, заведующая Амурской лабораторией экономики и социологии Института экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, 675000, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Политехническая, 86–313, тел. 89145375285, e-mail: n.p.ryzhova@gmail.com

Ryzhova Natalia Petrovna – Candidate of Economic Sciences, Head of Amur Laboratory for Economic and Sociological Studies ERI FEB RAS, 675000, Amur Region, Blagoveshchensk, Polytechnicheskaya St., 86–313, phone 89145375285, e-mail: n.p.ryzhova@gmail.com

Ступникова Анна Владимировна – аспирант Амурского государственного университета, младший научный сотрудник Амурской лаборатории экономики и социологии Института экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, 675000, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Политехническая, 86, каб. 313, тел. 89145375285, e-mail: aneta10@yandex.ru

Stupnikova Anna Vladimirovna – Post-graduate Student of the Amur State University, Amur Laboratory for Economic and Sociological Studies ERI FEB RAS, 675000, Amur Region, Blagoveshchensk, Polytechnicheskaya St., 86, of. 313, phone 89145375285, e-mail: aneta10@yandex.ru